

Феномен цикличности в процессах самоорганизации политических систем кочевников Евразии

Применение новейших общенаучных методов и методологических подходов, к примеру, синергетического, оперирующего такими понятиями, как хаос, порядок, динамическая система, — одно из перспективных направлений развития исторической науки.

С точки зрения синергетики политическая система, как и другие социальные феномены, является сложной, открытой, самоорганизующейся системой, характеризующейся такими категориями, как иерархия, информация, энтропия и негэнтропия. В науке давно утвердилось представление о том, что такие элементы политической системы, как государство и право, носят системный характер. Так, государство признается системой социальных институтов, а право — системой норм, но перечисленные категории, с которыми непосредственно связаны методы системного анализа при изучении государства и права, практически не используются.

Реализация идей синергетики применительно к анализу проблем политической системы позволяет прогнозировать и фиксировать условия, процессы и состояния метастабильности, кризисов, которые находят свое теоретическое обоснование в концепции цикличности исторического процесса.

Циклические и стадийные концепции развития общества играют существенную роль в структурировании исторического времени. Цикличность развития характерна для всех открытых сложных динамических образований, что было отмечено многими исследователями. В 1918 г. А.А.Чижевским была защищена диссертация «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», в которой выдвигалась концепция цикличности общественного развития¹. Так, систематизировав историю человечества за 2500 лет, он доказывал, что на годы минимальной солнечной активности приходилось всего 5 % массовых социальных движений, а на годы максимальной — более 60 % социальных катаклизмов. Таким образом, цикличность исторического процесса прямо связывалась с воздействием космических факторов.

В работах И.Д.Кондратьева и Йозефа Шумпетера были проанализированы феномены цикличности социально-экономических процессов и эмпирически обосновано существование колебаний экономики периодичностью около 50 лет². Во второй половине XX в. идея множественности циклов стала преобладать в научном сообществе, и схемы, использующие циклы с разной периодичностью, стали рассматриваться не как конкурирующие, а как взаимно дополняющие друг друга. В современных гуманитарных науках интерес к изучению исторических циклов различного характера продолжает расти, что

связано с распространением системного подхода в исследовании общественных отношений и институтов.

Наибольшее распространение в литературе получили следующие типы исторических циклов: 4—5 лет (так называемые «деловые» и «политические» циклы), 10—12 лет (циклы солнечной активности), 18—23 года (строительные или миграционные циклы), 25—33 года (цикл смены поколений), 50—60 лет (длинные циклы или циклы «отцов и детей»), 110—120 лет (циклы гегемонии или генеральных войн), 250—400 лет (циклы логистики или вековые тренды).

*Интересную концепцию цикличности исторических процессов выдвигает Ю.В.Яковец, различающий жизненные и исторические циклы общественно-исторических систем*³. Первые включают в себя фазы латентного развития, рождения, распространения, зрелости, дряхлости и реликтового существования исторической системы. Исторический цикл отличается от жизненного отсутствием первой и последней фаз, т.е. он является его частью. Из концепции Ю.В.Яковца следует несколько важных выводов. Во-первых, история полициклична, т.е. циклы развития общественно-исторических систем накладываются друг на друга, активно взаимодействуя. Во-вторых, между историческими циклами лежат переходные периоды, характеризующиеся кризисом и отмиранием старой и рождением новой системы. В-третьих, ход исторического времени неравномерен, замедляясь в стабильных и ускоряясь в кризисных фазах исторического цикла. В-четвертых, измерение ритма мировой истории требует определения географических эпицентров, так как каждая цивилизация имеет свое историческое время. В-пятых, при изучении циклов исторического развития необходимо выяснение закономерности исторической генетики, т.е. структуры общественного генотипа, объема передаваемого от поколения к поколению, от цивилизации к цивилизации. В-шестых, исторические циклы находятся в постоянном взаимодействии со смежными циклами и, прежде всего, с циклами в развитии природы. Главный вывод концепции Яковца — ход исторического процесса носит неравномерный, волнообразный характер⁴. Несмотря на критику циклической парадигмы истории в научной литературе⁵, самая важная ее ценность в том, что она не противоречит законам развития мироздания, природы. Другими словами, циклические концепции рассматривают общество как неотъемлемую часть глобальной системы, в которую входит также природа во всем своем многообразии.

Применение циклической парадигмы к анализу процессов развития политико-потестарных систем Казахстана преследует три цели. Во-первых, необходимо определить правомерность его трактовки как циклического. Во-вторых, это позволит выявить время полного цикла каждой политической системы. В-третьих, в результате подобного

анализа можно будет уточнить некоторые закономерности в развитии государства кочевников степной Евразии.

Ниже мы сделаем попытку рассмотреть наиболее общие аспекты возникновения и функционирования политической системы в контексте синергетической парадигмы. Любую сложную систему можно представить как структурную иерархию, пирамиду из подсистем, которые в свою очередь являются иерархией для подсистем более низкого уровня. Если связать возникновение системы с возникновением структурной иерархии, то мы получим следующую картину.

Некая первоначальная совокупность элементов, структурно не организованная, «бессистемная», однако связи между ее элементами так или иначе существуют. Известно, что любые физические законы осуществляют свое действие не мгновенно, а с определенной конечной скоростью, обусловленной фундаментальными константами⁶. Значит, в бесструктурной совокупности их действие будет запаздывать. Чем больше совокупность, тем больше это запаздывание. При воздействии внешней среды на совокупность промежуток между ними и ответом совокупности может быть настолько большим, что это будет угрожать ее стабильности. Если перевести данную ситуацию в термины системности, можно сказать, что при определенных условиях может возникнуть запаздывание действия принципа обратной связи. Вот тут-то для обеспечения стабильности совокупности возникает иерархическое строение, т.е. структурные уровни появляются как необходимые посредники при передаче воздействия и обратной связи. Таким образом, структурный уровень возникает тогда, когда в силу увеличения структурного целого, разрастания системы обратная связь перестает действовать в пределах этой системы как эффективный механизм саморегуляции системы⁷.

Возникновение социальной системы подчинено тем же закономерностям, правда, обмен информацией, веществом и энергией здесь опосредован. В политической системе преобладает обмен информацией, в то же время имеет место обмен энергией в овеществленной форме (пища) и веществом (ценности, материальные ресурсы и пр.). Кроме того, в функционировании государства как элемента системы большую роль играет непосредственный обмен энергией через выполнение повинностей, т.е. использование физической энергии людей. И наконец, обмен со средой может осуществляться посредством проникновения иносистемных субъектов политических отношений — отдельных людей и групп.

С процессами обмена связана категория неравновесности системы, которая обуславливает непрерывность внутрисистемной динамики, несводимость последующих состояний государственно-правовой системы к предыдущим. Неравновесность связывается с наличием входных и выходных потоков, воздействие которых стимулирует

самоизменение системы. Но возникновение потоков само возможно лишь тогда, когда структура системы постоянно воспроизводит условия, обеспечивающие необходимость и возможность их возникновения.

Иначе говоря, жизнь политической системы должна вызывать постоянную необходимость и возможность возникновения входных и выходных потоков. В состоянии равновесия такие потоки практически отсутствуют, система не развивается, ее внутренние структуры упрощаются, она превращается в изолят и гибнет в результате резкого воздействия среды. Таким образом, входные и выходные потоки есть параметры неравновесности политической системы, а их наличие или отсутствие — как функция динамизма, жизнеспособности ее структур.

Для нормального самовоспроизводства неравновесной политической системы оптимальным является соотношение ее устойчивых и неустойчивых состояний, характеризующее поведение системы во времени. Любой процесс в политической системе, благодаря протеканию через нее потоков вещества, энергии и информации, которые сами изменчивы во времени и неоднородны в пространстве, характеризуется периодическими выходами из состояния устойчивости — бифуркациями, однако система при этом всегда стремится вернуться в устойчивое состояние. Общая теория самоорганизации связывает устойчивость системы с равенством входного и выходного потоков, т.е. в этом случае поведение системы полностью соответствует характеру, направленности и интенсивности инвариантного во времени внешнего воздействия. При нарушении этого равенства система самым непредсказуемым образом реагирует на любое воздействие. В состоянии лабильности уже нельзя ожидать от системы какой-то определенной, прогнозируемой реакции, например, на то или иное политическое решение или внешнее воздействие.

В состоянии неустойчивости политической системы чрезвычайно возрастает роль случайных факторов и волевой деятельности людей. В соответствии с общей теорией самоорганизации нарушение равенства входных и выходных потоков определяется как качественный скачок в действии «обратной связи», которая и есть связь между «входом» и «выходом» системы. В ситуации неустойчивости «обратная связь меняет знак»: положительная связь становится отрицательной, а отрицательная — положительной.

Положительная обратная связь понимается как усиление на выходе посредством продуктов выхода — процесса, начинающегося на входе. Под влиянием потоков «традиционная» для данного социума политическая и правовая культура изменяется часто таким образом, что постепенно складывающиеся новые ценностные ориентации, способы деятельности, формы организации общественной жизни не

препятствуют, а способствуют усилению породившего их влияния. Однако если положительная обратная связь действует длительно и гипертрофированным образом и не сбалансирована отрицательной обратной связью, а неравновесные процессы протекают слишком быстро, то перспективой могут оказаться разрушение внутрисистемных связей, забвение политико-правовых традиций, утрата собственных институтов и т.п. Отрицательная обратная связь имеет место там, где продукты выхода уменьшают процесс, начинающийся на входе. Многие национальные культуры «отвечают» на внешние воздействия консервацией собственных структур, способов деятельности, самоизоляцией. Абсолютное влияние отрицательных обратных связей ведет к равновесию системы, к чрезмерной стабильности, упрощению структур.

На развитие политической системы огромное влияние, кроме внутренних, оказывает целый ряд внешних факторов. К внешним, т.е. факторам, способствующим образованию системы (являясь чуждыми для ее элементов), не обусловленным и не вызванным внутренней необходимостью и объединению, относятся механические факторы, т.е. скопление людей в определенном пространстве, в результате чего включаются механизмы самоорганизации. К числу внешних причин может быть отнесено проникновение в политическую систему чуждых объектов, приводящих к функциональным изменениям отдельных элементов. Этот процесс больше известен как диффузия, т.е. распространение опыта государственно-правовой жизни одних народов на другие⁸.

Важным системообразующим фактором является время, точнее, будущее, т.е. нереализованное, потенциальное время, выступающее как цель политической консолидации. Важную роль «будущее» играет в таких элементах политических систем, как идеология. Кроме того, зачатки будущего лежат в прошлом, с чем связана «скрытая», латентная фаза существования системы, когда процессы самоорганизации уже начались, но границы системы и связи еще не появились. Время может быть как внешним системообразующим фактором, так и внутренним. Важнейшим внешним системообразующим фактором для политических систем кочевников Евразийских степей являются глобальные изменения климата. Любое общество существует в рамках определенного геобиоценоза, важнейшей составляющей которого является ландшафт. Изменение климата влечет за собой изменение ландшафта и не может не влиять на политические процессы в данном обществе.

Исследования ряда ученых позволили выяснить периодичность климатических колебаний на территории Евразии и причины подобных явлений⁹. Особый интерес вызывает концепция О.Петтерсона–А.Шнитникова, обосновывающая закономерности динамики колебаний климата периодичностью 1800–1900 лет. Эта концепция нашла

подтверждение в работах М.С.Эйгенсона, Л.С.Берга, Н.А.Белинского и других исследователей¹⁰. Для нас она интересна тем, что позволяет в значительной мере дополнить картину исторических процессов на территории степной Евразии в период становления политических систем кочевников.

За последние 6 тысячелетий учеными выделено четыре периода повышенной увлажненности, разделенных тремя сухими периодами. При этом влажный и холодный период длится 3–5 столетий, а сухой и теплый — около тысячелетия. Между ними выделяется переходный период продолжительностью 2–3 столетия. В исторически обозримое время на территории Казахстана происходили следующие климатические изменения: 4500–4000 лет назад количество осадков превышало современное на 50–100 мм, границы ландшафтов были смещены на юг на 1–2 подзоны, весь север Казахстана занимала лесостепь¹¹. В XVIII в. до н.э. началось усыхание, достигшее максимума в XV–X вв. до н.э. Конец II – начало I тыс. до н.э. — следующее увлажнение, достигшее апогея в VIII–VI вв до н.э. Примерно с IV–III вв. до н.э. наблюдается переходный период, приведший к усыханию на рубеже 1 тыс. н.э. Пик его пришелся на VIII–XII вв. В XIII–XVI вв. наблюдается последнее увлажнение, вызвавшее так называемую «малую ледниковую эпоху». Примерно с XVII–XVIII вв. начинается переходный период, после которого, с XIX в., наблюдается усыхание, продолжающееся и сегодня.

Эволюционные процессы в открытых нелинейных системах идут к созданию все более сложных организаций и структур путем интеграции различных частей, развивающихся в разном темпе структур в эволюционные целостности. По мнению С.Курдюмова, сложность структуры связана с когерентностью. Под когерентностью он понимает согласование темпов жизни структур посредством диффузионных, диссипативных процессов, являющихся макроскопическим проявлением хаоса. Для построения сложной организации необходимо когерентно соединить подструктуры внутри нее, синхронизировать темп их эволюции. В результате объединения структуры начинают «жить» в одном темпе.

Для создания сложной структуры, где присутствуют компоненты «разного возраста», компоненты, развивающиеся в разном темпе, необходимо включать элементы «памяти», будь то биологическая память, ДНК или память культуры, культурные традиции. Динамика развития сложной структуры требует согласованного развития подструктур «разного возраста» внутри нее, а это, как правило, приводит к нарушению пространственной симметрии. Включение «памяти» (элементов прошлого) означает нарушение симметрии в пространстве, т.е. любая сложная система не будет симметричной, «правильной» с точки зрения топологии.

Существует ограниченный набор способов объединения, построения сложного эволюционного целого. «Не какие угодно структуры и не как угодно, не при любой степени связи и не на каких угодно стадиях развития могут быть объединены в сложную структуру»,— утверждает С.Курдюмов¹². По его мнению, чтобы возникла единая сложная структура, необходима определенная степень «перекрытия» входящих в нее более простых структур, должны быть соблюдены определенная топология, «архитектура» перекрытия, нужно соответствующее «чувство меры».

Фактором объединения сложных социальных структур является некий аналог хаоса, флуктуаций. Хаос (т.е. обменные процессы разного рода), таким образом, играет конструктивную роль в процессах не только выбора пути эволюции, но и построения сложного эволюционного целого. При создании топологически правильной организации из более простых структур (при определенных степени взаимодействия и симметрии архитектуры создаваемой единой структуры) осуществляется выход на новый, более высокий уровень иерархической организации, т.е. делается шаг в направлении к сверхорганизации. Тем самым ускоряется развитие той структуры, которая интегрируется в сложную.

Попробуем обобщить все вышесказанное и построить вербальную модель механизма саморазвития открытой системы. В некоей первоначальной совокупности под воздействием внешней среды действие принципа обратной связи стимулирует возникновение структурной иерархии, усложнение которой приводит к образованию системной целостности. Определим этот период развития системы как латентный, скрытый. Затем начинается развитие и усложнение структуры, которое можно охарактеризовать как рост системы. Однако любая система имеет свои границы развития, обусловленные конкретными параметрами и природой системной целостности. При достижении этих границ система переживает кризисный период, в ходе которого изменяются морфофункциональная структура и принципы регулирования, либо система вовсе разрушается. При преодолении кризиса начинается стабильный период развития, когда все качественные свойства системы остаются неизменными. Исчерпание инерции развития вследствие сопротивления внешней среды приводит к преобладанию дезинтеграционных процессов, и система входит в период распада, обскурации (вторичного кризиса). Недостаточно высокая интенсивность факторов внешнего воздействия может привести к консервации системы — гомеостазу, неустойчивому равновесию системы с окружающей средой.

Любая из систем в принципе не может существовать вечно, так как это противоречит как закону сохранения энергии, так и второму началу термодинамики, гласящему, что в замкнутой системе энергия, т.е. мера

способности теплоты к превращению, постоянно возрастает. В принципе невозможны процессы, которые спонтанно (без затрат) приводили бы к приращению энергии в системе. Другими словами, запас энергии во вселенной иссякает, и процесс этот необратим.

В то же время процесс самоорганизации открытых систем развивается в векторе, противоположном энтропии. Для этого любой системе необходимо огромное количество энергии, которую она черпает из окружающей среды. Тем не менее под воздействием энтропии вектор развития системы постепенно изменяется.

Применение данной схемы позволит нам построить модели развития отдельных политических систем кочевников Евразии и объединить их в единую циклическую схему исторического процесса на территории Казахстана. Первые сведения о зарождении развитых политико-потестарных систем относятся к сакскому обществу, однако недостаток источников не позволяет с достаточной степенью объективности анализировать сакскую политико-потестарную систему. Более достоверные и полные сведения мы имеем о хунну.

Латентная фаза развития политико-потестарной системы хунну имела место до 209 г. до н.э., когда в среде кочевых тюркоязычных и монгольских этносов Центральной Азии складываются институты верховной власти и военно-административной организации населения. Собственно государство и политическая система в целом оформляются в 209 г. до н.э. в связи с приходом к власти шаньюя Моде. Становление системы продолжалось до второй половины II в. н.э.. Этот период характеризуется постоянными победоносными войнами хунну, расширением территории государства и превращением его в империю со всеми характерными признаками — централизованной властью, развитым административным аппаратом, подчиненным статусом периферийных областей по отношению к центру, а также наличием политического проекта, особой идеологической доктрины¹³. В империи хунну такой доктриной становится императив «господства над народом», когда хунну (в более широком трактовании — кочевники) объявлялись единственными носителями власти над миром¹⁴.

Завершение фазы становления можно условно датировать 162 г. до н.э., когда между хунну и Китаем был заключен мир на условиях равенства. *Следующая фаза стабилизации политико-потестарной системы хунну характеризовалась сложной внутри- и внешнеполитической ситуацией. Хунны вели борьбу с переменным успехом с Китаем, признали автономию усуней, удерживали внутреннее единство государства. Это был период, когда идеологическая доктрина (политический проект, на котором была построена вся имперская система), была ближе всего к политической практике хунну.*

В 85 г. до н.э. система потеряла устойчивость и начался ее кризис. Последовали ряд неудачных внешних войн, борьба политических

группировок внутри государства, мятежи и отпадения зависимых этносов. Усуни переходят к открытой конфронтации хунну, значительно сокращается территория империи. Завершается кризис распадом государства на южное и северное, с подчинением первого Китаю в 47 г. н.э.

В фазе инерции происходит определенная стабилизация политических процессов, утверждается лестничная система престолонаследия, продолжается постепенное ослабление государства хунну, сопровождающееся подчинением Китаю и Сяньби. Во II в. северные хунну терпят окончательное поражение, лишь отдельные группы, живущие на территории Казахстана, сохраняют независимость и стабилизируются к III в. н.э.. Последние осколки великой империи — Юэбань, Гаогюй и государство европейских гуннов прекращают свое существование в IV–V вв. в виде реликтов.

Таким образом, цикл развития политико-потестарной системы хунну складывается из следующих фаз:

- 1) латентная — до 209 г. до н.э.;
- 2) становления — 209–162 гг. до н.э.;
- 3) стабилизации — 162–85 гг. до н.э.;
- 4) кризиса — 85 г. до н.э. – 47 г. н.э.;
- 5) инерции — середина I в. н.э. – начало II в. н.э.;
- 6) обскурации — II в. н.э.;
- 7) реликтовая — после II в. н.э.

Следующая политико-потестарная система была создана в VI в. позднихуннским племенем ашина. Латентная фаза его имела место в 40-х – начале 50-х годов VI в. в рамках объединения жуужаней. Уже в 545 г. тюрки-ашина выступают как самостоятельная сила, тяготившаяся своим подчиненным положением и использовавшая любые способы для освобождения. Заключение союза с китайским царством Западное Вэй было воспринято как подготовка к провозглашению независимости. «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне и нам прибыл посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится»¹⁵. В 550 г. правитель тюрков Бумын заключил брак с китайской принцессой, чем поднял свой статус в кочевом объединении¹⁶.

В 552 г. новая система оформляется через принятие Бумыном титула каган. С этого момента начинается фаза становления имперской системы тюрков. Завоевания тюрков в 50–70-х годах привели к созданию огромного государства, включающего в себя земли от Северного Кавказа до Дальнего Востока. Апогеем могущества тюрков стал 580 г., когда тюркам платили дань оба китайских государства того времени — Бэй-Чжоу и Бэй-Ци¹⁷.

В 581 г. запрет на вывоз шелка из Китая и династические споры привели к первому кризису тюркского государства. Перегрев политико-

потестарной системы привел к внутренним конфликтам и расколу каганата на западный и восточный. Несмотря на это могущество обоих государств продолжало оставаться на прежнем уровне. Как восточные, так и западные тюрки совершали набеги на территорию Китая, в 20-х годах VII в. тюрки ведут активные военные и дипломатические действия в восточной Европе и Закавказье.

Настоящий кризис начинается в 30-х годах VII в., когда Восточный каганат попадает под власть Китая, а в Западном обостряются внутренние распри между двумя военно-политическими объединениями — туглук (дулу) и он-шадпыт (нушиби). В результате в 656 г. Западный каганат также попал под власть Китая¹⁹. Тем не менее говорить о гибели государства нельзя. Семиречье было разделено на наместничества и вассальные владения, но тюрки не оставляли попыток освободиться. Крупные восстания были в 576–679 гг., в 682, 694 и 699 гг. В результате последнего Западнотюркская империя была восстановлена под властью династии тюргешей, что ознаменовало наступление новой фазы развития тюркской политико-потестарной системы — инерционной.

В инерционной фазе развития тюркское государство продолжало ослабевать, хотя периодически каганам удавалось проводить удачные внешнеполитические акции. Однако экспансия арабов, китайцев и внутренние конфликты привели к гибели тюркской империи. В 756 г. каганат распадается и начинается ожесточенная борьба между «черными» и «желтыми» родами. В итоге в 766 г. Семиречье перешло под власть карлуков, правитель которого не принял титула каган, т.е. имперская политическая система тюрков перестала существовать. Каганат уйгуров, возникший на месте Восточно-тюркского каганата, является самостоятельной политико-правовой системой, так как господствующей идеологией в нем стало не традиционное тенгрианство, а учение Мани. Соответственно изменилось и отношение к харизме правителя, как основному источнику власти. С 766 г. начинается фаза реликтового существования посттюркских систем в рамках государств огузов, кимаков, кыпчаков, печенегов.

Таким образом, тюркская политико-потестарная система прошла за время своего существования следующие фазы:

- 1) латентная — до 552 г.;
- 2) становления — 552–581 гг.;
- 3) стабилизации — 581–630 гг.;
- 4) кризис — 630–699 гг.;
- 5) инерции — 699–756 гг.;
- 6) обскурации — 756–766 гг.;
- 7) реликтовая — после 766 г.

Как мы видим, временная протяженность циклов развития хуннской и тюркской имперских политико-потестарных систем различна. Если

хуннская просуществовала более 500 лет, то тюркская — чуть более 200. История тюрков оказалась более драматичной, полной внутренних распрей и характеризовалась расцветом культуры, как материальной (изобретение стремян, юрты, сабли), так и духовной (руническое письмо). Это связано с тем, что в III в. до н.э. хунно-тюркский этнос находился в фазе этнического подъема, а в VI–VIII вв. — в инерционной фазе этногенеза, что наложило определенный отпечаток на ход исторических событий.

Следующая оригинальная политико-потестарная система сложилась на базе тюркоязычных этносов Семиречья и Восточного Туркестана в рамках государства Караханидов. Начало латентной фазы можно отнести к 840 г., когда глава карлуков Бильге Кюль Кадыр-хан принял титул кагана. Началась новая консолидация кочевых объединений, логически приведшая к оформлению в 940 г. принципиально новой политико-потестарной системы, идеологической основой которой стал ислам. Назовем ее тюрко-мусульманской.

Генеалогически династия караханидов была связана с карлукскими каганами, но в отличие от последних была мусульманской. Караханиды сумели подчинить себе семиреченские племена, большая группа тюрков приняла ислам в 960 г., чем значительно укрепила власть новой династии¹⁹. Завершение становления тюрко-мусульманской системы произошло в 1005 г., после завоевания Мавераннахра.

Новая система отличалась от традиционной имперской системы тюрков. Сложилось деление на территориальные уделы, обладавшие самостоятельностью, большое распространение получил институт икта, система органов власти испытала значительное воздействие исламских государств Среднего Востока. Но самое главное — изменилась идеологическая доктрина, господствующий общественный императив. Источником власти объявлялась не божественная харизма — «кут», а сам Аллах. Правитель становился проводником его воли, а цель существования государства формулировалась с учетом нового принципа власти. Теперь целью стало не господство над народами и не «объединение четырех сторон света», а распространение ислама, борьба с «неверными». Государство Караханидов объявлялось оплотом веры, форпостом мусульманства, противостоящим язычникам Китая, Восточного Туркестана и Казахстана. Замечательным памятником политической культуры тюрко-мусульманского общества стало произведение Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» (Благодатное знание), содержащее политические и правовые концепции правящих кругов государства²⁰.

Фаза стабильного развития тюрко-мусульманской политико-правовой системы продолжалась с 1005 г. до 40-х годов XI в. В 1040 г. государство Караханидов распадается, а в 1042 г. это закрепляется юридически²¹.

Столкновения между правителями Восточного и Западного государств,

мятежи удельных ханов ознаменовали собой фазу кризиса, завершившуюся в 1089 г. подчинением обоих караханидских владений тюркам-сельджукам. Последние ограничились назначением угодных им ханов из числа членов прежней династии²², поэтому говорить о гибели политико-потестарной системы в целом нельзя.

В 80-х годах XI в. началась инерционная фаза цикла развития тюрко-мусульманской системы, характеризовавшаяся стремлением правителей к освобождению от власти сельджуков, с одной стороны, и попытками централизации — с другой. Основные принципы административного и политического устройства государства — удельная система, автономия местных властей, усиление роли духовенства — в этот период выражены в государственной практике наиболее ярко.

Уже в 30-х годах XII в. государство Караханидов ослабевает. *В 1128 г. столица восточного государства становится добычей каракитайского гурхана, а в 1141 г. было разгромлено и ликвидировано Западное государство. После этого отдельные владения караханидов остаются в виде реликтов в составе каракитайского и найманского государств. Динамика развития тюрко-мусульманской политико-потестарной системы выглядит следующим образом:*

- 1) латентная фаза — до 942 г.;
- 2) фаза становления — 942–1005 гг.;
- 3) фаза стабилизации — 1005–1040 гг.;
- 4) фаза кризиса — 1040–1089 гг.;
- 5) фаза инерции — 1089–1128 гг.;
- 6) фаза обскурации — 1128–1141 гг.;
- 7) реликтовая фаза — после 1141 г.

Следующая оригинальная политико-потестарная система была создана на базе тюркоязычных кыпчакских объединений в результате монгольских завоеваний XIII в., поэтому предлагаем назвать ее кыпчак-могольской или системой Улуг Улуса (Золотой Орды).

Латентная фаза процесса развития политико-потестарной системы Улуг Улуса имеет место в начале XIII в., когда в степях Поволжья и Западного Казахстана сталкиваются две политические традиции: старая — тюрко-кыпчакская, характеризующаяся автономией потестарных союзов-племен и отсутствием централизованной власти, и новая — монгольская. Собственно, в этот период происходит планомерное уничтожение кыпчакских государственных структур в ходе военных кампаний монголов в 1218–1242 гг. Первоначально Улус Джучи (Улуг Улус) входит в состав Монгольской империи и на его территории распространяется монгольская политическая система. Она характеризовалась крайней степенью отчуждения власти, принадлежащей политическим элитам закрытого типа, — чингизидам. Хань опирались на многочисленный бюрократический аппарат, однако

большая роль в принятии политических решений принадлежала съезду представителей элиты — курултаю, где происходила официальная церемония выборов верховного правителя. Политическая система собственно Улуг Улуса несколько отличалась. Так, курултай здесь превращается в корунуш — смотр или прием, не выполняющий никаких властных функций.

Завершение латентной фазы и начало фазы становления можно условно датировать 1242 г. - годом окончания Западного похода монголов, завершившего формирование территории Улуса Джучи. В 1242–1312 гг. политическая система Улуг Улуса расширяется, вырабатываются основные механизмы и принципы управления и функционирования отдельных ее элементов. В этот период укрепляется институт верховной власти, ликвидируются попытки создания удельной системы (ханство Ногай). Важнейшими функциями государства становятся обеспечение беспрепятственной межконтинентальной торговли и защита интересов торгово-купеческой верхушки.

Следующая фаза, фаза стабилизации, условно датируется 1312–1359 гг. — временем правления Узбека (1312–1342), Жанибека (1342–1357) и Бердибека (1357–1359). Несмотря на ряд выступлений против центральной власти, главным образом в восточных районах Улуг Улуса, политическая система уже не изменяется, достигнув наибольшего уровня развития, т.е. соответствия внешним условиям и политическому проекту. Именно поэтому данный период признается временем наивысшего могущества этого государства. Однако длительная консервация системы влияет на ее способность реагировать на изменение внешних условий. Именно это произошло после смерти Бердибека, на котором прервалась династия Бату. Юридические и политические последствия этого были катастрофическими. Правление рода Бату основывалось на завещании Чингисхана, и в 1359 г. возникает некий политический вакуум, так как все другие линии чингизидов были одинаково нелегитимны. Попытки же некоторых групп, в основном потомков Шейбана и Тука-Тимура, закрепить за собой право на престол воспринимались контрэлитой как незаконные. До сих пор во многих работах период политического кризиса второй половины XIV в. представляется как время борьбы чингизидов за власть. Нам кажется, что это несколько поверхностный взгляд на события. В действительности же происходила борьба политических элит, своеобразных партий, выдвигающих свои политические проекты, идеалы переустройства политической системы. При этом те или иные претенденты на престол являлись лишь номинальными представителями, главами этих групп. Конечно же, методы и формы политической борьбы были иные, нежели сейчас, но сводить их только лишь к междоусобицам нельзя. Таким образом, в 1359–1380 гг. имеет место кризисная фаза развития, выразившаяся в противоречии между

принципом наследования верховной власти и реальной политической ситуацией.

Кризис завершается только в 1380 г., с приходом к власти хана Тохтамыша из династии Токай-Тимура, сумевшего восстановить имперскую систему Улуг Улуса. Однако уже в 70-х годах XIV в. произошел важный правовой прецедент, вызвавший изменение политической системы — факт избрания хана съездом представителей элиты — беков и эмиров. Подобные выборы имели место в 1368 г., когда престол в левом крыле занял Орыс-хан, и в 1379 г. когда сам Тохтамыш стал правителем того же левого крыла. После поражения последнего в войне с Тимуром и бегства в 1395 г. в Литву власть переходит к беклербеку Едиге. С этого момента в политической системе Улуг Улуса происходит еще одно изменение — ни один чингизид не может претендовать на трон без санкции Едиге или кого-либо из его потомков. Возникает своеобразная формула «бірі би — бірі хан» (один бий, другой хан), когда официально правит не один правитель, а два — хан-чингизид и бий-едигейд. Данная система существует в Улуг Улусе до самого его распада в первой четверти XV в. и даже после, вплоть до конца 60-х годов XV в. *Распад Улуг Улуса после смерти Едиге в 1419 г. не означал, однако, гибели политической системы. Она сохранилась в государствах — наследниках Улуса, в тч. и государстве Абулхаира, являвшегося фактически бывшим левым крылом Великого Улуса.* Тем не менее внешние условия продолжали изменяться и все более и более входили в противоречие с политической системой. Так, в государстве Абулхаира была очень слаба торговая верхушка, отсутствовали крупные городские центры, понизилась роль международной торговли, что лишало казну возможности получать доходы для содержания мощного аппарата, без которого имперская система не может функционировать. В то же время выросла роль полукочевых аграрных объединений, превратившихся из военно-административных в военно-потестарные. Последнее было связано с растущей автономизацией этих объединений и ослаблением центральной власти. В 1469–70-х гг. государство Абулхаира распадается на Мангытское, Сибирское и Казахское государства. Прежняя политическая система сохраняется лишь в Сибири, где до 20-х годов XVI в. правили шейбаниды, и Казахском ханстве, где до 20–30-х годов XVI в. существовали улусная система и институт выборов хана. К середине 50-х годов этот период развития политической системы, период инерции, завершается, и казахи, отказавшись от последних ее остатков, начинают создавать новую — основанную на широкой автономии военно-потестарных образований и господстве авторитетной элиты. Начинается новый цикл развития политико-потестарных систем на территории Казахстана.

Таким образом, динамика развития кыпчак-монгольской политико-потестарной системы видится нам как смена следующих фаз:

- 1) латентная — до 1242 г.;
- 2) становления — 1242–1312 гг.;
- 3) стабилизации — 1312–1359 гг.;
- 4) кризиса — 1359–1380 гг.;
- 5) инерции — 1380–1456 гг.;
- 6) обскурации — 1456–1469 гг.;
- 7) реликтовая — после 1470 г.

Образование Казахского ханства справедливо считается одним из узловых моментов истории казахского народа. Вместе с тем в многочисленных исследованиях, посвященных этому событию, нет подробного анализа всего комплекса причин, приведших к возникновению самостоятельного казахского государства. Различные авторы выделяют в качестве основной разные причины социально-экономического, политического, этнокультурного характера. Так, К.А.Пищулина считает, что причиной образования Казахского ханства стал «ход хозяйственного, социального, политического развития населения средневекового Казахстана, в том числе и этнической истории казахов»²³, (главным образом — социально-экономические процессы)²⁴. В то же время Т.И.Султанов акцентирует внимание в основном на политических предпосылках появления на политической карте Центральной Азии Казахского государства²⁵. В наши задачи не входит историографический анализ всего спектра мнений относительно проблемы образования Казахского ханства, однако отметим, что возникновение Казахского ханства было вызвано целым комплексом экономических, политических, этнокультурных и экологических причин и является результатом сложных процессов не только социального, но и природного характера.

Улусный принцип организации населения, военно-административная система и некоторые другие элементы политико-потестарной системы показывают, что в XV–XVI вв. она являлась реликтом кыпчак-монгольской системы и мало отличалась от государства Абулхаира, Мангытского Йурта или Сибирского ханства. В конце же XVI в. начинает складываться новая система, основанная на широкой автономии военно-потестарных образований и господстве авторитетной элиты. *Латентная фаза имеет место до 1550 г., в рамках Казахского ханства эпохи правления Касыма и его преемников, включая ранние годы правления Хак-Назара.* В середине 50-х годов, в связи с кризисом Мангытского Йурта, происходит значительный отток населения из этого государства и усиление казахов. Дженкинсон отмечает в 1558 г. трехлетнюю войну казахов с Ташкентом, приведшую к укреплению казахского государства²⁶. Во второй половине XVI в. происходит становление политико-потестарной системы, связанное как с территориальным ростом государства, так и с выработкой новых механизмов и принципов управления и функционирования отдельных

ее элементов. К концу правления Хак-Назара границы Казахского ханства на западе проходили по Уралу, на севере — по Ишиму и Нуре, на востоке — по Чингизтаускому хребту, Балхашу и Чу. На юге владения казахов вплотную подходили к Ташкенту. Кроме того, собственно Хак-Назару подчинялись часть киргизов и башкир. В конце XVI в. хану Тауекелю (1586–1598) удалось разгромить Бухарское ханство и овладеть Ташкентом и городами Ферганской долины. С этого времени казахская политико-потестарная система входит в фазу стабилизации, продолжавшуюся до конца XVII в. Несмотря на тяжелую войну с ойратами и попытки реванша со стороны Бухары Казахское ханство было устойчиво и стабильно. Ситуация изменяется в начале XVIII в., когда автономность военно-потестарных единиц и главенство открытой элиты входят в противоречие с изменившимися внешними условиями. Обострение военного конфликта с Джунгарией требовало централизации власти и усиления роли военно-административной организации, но казахская политико-потестарная система базировалась на иных принципах и в первой половине XVIII в. входит в фазу кризиса. *Кризис казахской системы привел к распаду государства на жузовые ханства и принятию российского протектората. Попытки централизации власти, предпринятые Абулхаиром и Бараком, завершились неудачей. Только в середине XVIII в. казахская политико-потестарная система вновь обретает устойчивость.*

Инерционная фаза, начавшаяся в 50-х годах XVIII в., характеризовалась временной стабилизацией Казахского ханства под властью султана, а с 1771 г. — хана Абылая. В 20-х годах XIX в. мы наблюдаем процесс обскурации политико-потестарной системы и фактический паралич власти, позволивший России объявить о ликвидации института ханской власти и проведении административных реформ, ликвидирующих государственный статус Казахстана. Попытки Кенесары, Арынгазы и некоторых других казахских правителей XIX в. возродить независимое Казахское государство были героическими, но исторически бесперспективными.

Таким образом, динамика развития казахской политико-потестарной системы представляется нам сменой следующих фаз:

- 1) латентная — до 1550 г.;
- 2) становления — 1550–1598 гг.;
- 3) стабилизации — 1598–1700 гг.;
- 4) кризиса — 1700–1750 гг.;
- 5) инерции — 1750–1820 гг.;
- 6) обскурации — 1820–1836 гг.;
- 7) реликтовая — после 30-х годов XIX в.

К последней фазе можно отнести также попытки возрождения ханской власти, предпринятые казахами в ходе восстаний 1916 г. и 1929–31 гг. С массовой седентаризацией казахов в ходе осуществления политики

«Малого Октября» кочевая государственность как феномен окончательно ушла в прошлое, став достоянием истории.

Как мы видим, все известные нам политико-потестарные системы Казахстана прошли в процессе своего развития одинаковые фазы или стадии. Другими словами, политические процессы имеют циклический характер и подчиняются определенным закономерностям. На ход генезиса политико-потестарных систем оказывают значительное влияние не только внутренние, но целый комплекс внешних факторов, включая воздействие других политических систем, этногенетические процессы, климат, международную экономику.

В заключение отметим, что применение синергетических моделей и циклической парадигмы к реконструкции исторического процесса не отрицает других методологических подходов. Мы далеки от мысли объявить системный подход и основанные на нем методы новой генерализирующей концепцией, призванной всесторонне объяснить исторический процесс, тем более, что многие авторы справедливо указывают на опасность позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей нелинейности и поливариантности путей развития процессов в физическом мире. Мы хотим лишь обозначить новые возможности, которые открывает применение общенаучных подходов в исследовании отдельных проблем исторической науки.

Список литературы

1. Яковец Ю.В. История цивилизаций. - М., 1997. - С. 21.
2. Кондратьев Н.А. Избранные произведения. - М., 1993.
3. Яковец Ю.В. Указ. работа. - С. 34.
4. Там же. - С. 33-36.
5. Философия истории. - М., 1999. - С. 340-361, 386-390.
6. Алексеев В.П. Становление человечества. - М., 1984. - С. 35.
7. Там же. - С. 36.
8. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. - М., 1999. - С. 92-95.
9. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического общества. - Т.16. Нов. сер. - М.-Л., 1957; Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. - М., 1957; Хотинский Н.А. Голоцен Северной Азии. - М., 1977.
10. Тушинский Г.К. Космос и ритмы природы Земли. - М., 1966. - С. 50.
11. Иванов И.В., Афонин М.М., Зданович Г.Б. Изменение полигональности черноземов Северного Казахстана в позднем голоцене // Прогноз изменения криогенных почв под влиянием хозяйственного освоения территории. - Пушино, 1980.

12. Гайденко П.П. У истоков понятия системы (Понятие единого и многого в философии Платона) // Системные исследования. - М., 1980. - С. 83.
13. Санистебан Л.С. Основы политической науки. - М., 1992. - С. 111.
14. Гумилев Л.Н. - СПб., 1993. - С. 134-135.
15. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1993. - С. 26-27.
16. Там же. - С. 28.
17. Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - Т.1. - М., 1951. - С. 233.
18. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - С. 243.
19. Караев О. История Караханидского каганата. - Фрунзе, 1983. - С. 104.
20. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. - М., 1983.
21. Давидович Е.А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. - 1968. - № 1. - С. 74.
22. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 4 т. - Т.1. - Алматы, 1996. - С. 401.
23. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. // Вопросы политической и социально-экономической истории. - Алма-Ата, 1977. - С. 250.
24. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. - Т. 2. - Алматы, 1997. - С. 312.
25. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата, 1992. - С. 232–240.
26. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. 2-е изд. - Алматы, 1997. - С. 161–162.

фамилия автора: Е. А. АБИЛЬ

теги: Евразия Кочевая государственность Политическая система

журнал: Вестник КарГУ

год: 2006

город: Караганда

категория: История